

Символические анклавы и смена символических универсумов

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению концепции символических анклавов, как части общей концепции символических универсумов. Данная концепция призвана уточнить, объяснить и описать процессы, которые сопровождают наличие в рамках одного общества двух или более символических универсумов. Анализ символических анклавов существенно дополняет концепцию диффузии символических универсумов. Он раскрывает многомерность, сложность, нелинейность процессов смены и завоевания культурной гегемонии в обществе разными символическими универсумами. В практическом аспекте концепция символических анклавов позволяет углубить уже имеющиеся исследования переходных, трансформирующихся или кризисных обществ, одним из которых, без сомнения является украинское общество со своими многочисленными символическими анклавами и фундаментальными общественными проблемами, вызванными их наличием.

Ключевые слова: символический анклав, символический универсум, диффузия символических универсумов

1

В рамках концепции символических универсумов, их сосуществования, отношений и борьбы следует очертить еще одну специальную и самодостаточную концепцию — концепцию символических анклавов. Именно эта концепция позволит уточнить, объяснить и описать процессы, сопровождающие наличие в рамках одного общества двух или более символических универсумов. Ведь ранее уже неоднократно указывалось, что каждый символический универсум претендует на эксклюзивное, безальтернативное определение социальной реальности, определение рамок интерпретации всех объективных, интерсубъективных и субъективных процессов и явлений для каждого индивида (см.: [Шульга, 2014]).

Нахождение индивида-носителя альтернативного универсума в социально-символическом поле доминирующего универсума, безусловно, связано с перманентным психологическим дискомфортом и, как минимум, необходимостью мимикрировать в условиях подавляющего числа интеракций с носителями доминирующего символического универсума. В подобных условиях не обойтись без существования символических анклавов, которые призваны служить опорой, символическим фундаментом, позволяющим индивидам-носителям альтернативного универсума встречать таких же носителей, их понимание и поддержку в уверенности, что доминирующий универсум несправедлив, ошибочен и является искаженной версией их универсума. Главной объединяющей их характеристикой является то, что эти символические площадки позволяют носителям альтернативного символического универсума свободно взаимодействовать и коммуницировать без того, чтобы мимикрировать, испытывать психологический дискомфорт или вовсе избегать контакта с представителями доминирующего универсума. Символические анклавов могут существовать в различных формах и в различных масштабах. Наиболее элементарный уровень представляют собой устойчивые Мы-связи индивидов в повседневной жизни. Наиболее сильной из них можно назвать семью. Эта форма подразумевает первичную социализацию ребенка в особых условиях — новый член общества с самого начала получает не базовые смыслы доминирующего универсума, а ценностно-смысловые матрицы альтернативного универсума. Окончательная интернализация этого универсума, конечно же, зависит от многих факторов — в первую очередь, от возможности воспроизведения этих смыслов и их использования в Мы-связях этого ребенка в его повседневной жизни — в общении со сверстниками, в школе. В ином случае ребенок будет ощущать перманентный диссонанс и психологический дискомфорт, ответом на который будут ретритизм либо мимикрия.

Это подводит нас к тому, что для своего успешного и долговременного существования символический анклав должен быть более массовым. Наиболее простой пример — это этнические кварталы, населенные иммигрантами и образующие свое территориально-символическое поле. Зачастую эти анклавов практически полностью автономны, хотя и находятся в черте больших городов.

Здесь важно указать на возможные различия между разными видами символических анклавов. В случае этнических кварталов или компактных поселений речь идет о привнесённом символическом универсуме, который развивался исходя из условий того общества, выходцами из которого являются представители данной группы. Таким образом, они продолжают придерживаться той картины мира, которая была заложена в них и в их родителей в стране их происхождения.

Вместе с тем существует и иной вид символических анклавов: это анклавов, где сохранилось доминирующее положение старого символического универсума, вытесненного новым, утратившего свое эксклюзивное право на определение социальной реальности и её интерпретацию для большинства общества. Однако в границах конкретного символического анклавов он сохраняет свою особую роль. Эти символические анклавов могут охватывать как небольшие поселения, так и целые регионы. В таком случае мы говорим о символическом анклавов не просто как о пространственно-символической сущности, а как о пространственно-символической сущности, живущей в своем временном континууме, который во многом не совпадает с континуумом

мом доминирующего символического универсума. Определяющая роль, культурная гегемония старого символического универсума здесь застывает во времени и по-прежнему создает и воссоздает свои смыслы и смысловые комплексы. При этом там существует и своя “каста экспертов”, ответственных за генерацию и распространение соответствующих смыслов. Однако из-за того, что ресурсные возможности символических анклавов ограничены в силу объективных причин, главной задачей и успехом этих экспертов является не распространение базовых смыслов своего универсума на остальных членов общества, а лишь поддержание их действенности в самом анклаве — то есть процессов экстернализации смыслов, их объективации и, в конечном итоге, их интернализации, что, в свою очередь, ведет к экстернализации и объективации этих смыслов уже на уровне повседневных и рутинных интеракций. Эта задача не из простых, особенно учитывая широту воздействия современных средств информации и намного большие возможности для мобильности социальных акторов, которые практически неминуемо выезжают за пределы данного пространственно-символического образования и попадают в сферу влияния смыслов доминирующего символического универсума. Как уже неоднократно отмечалось, подобный опыт является болезненным и приводит к психологическому дискомфорту тех носителей альтернативного символического универсума, кто по той или иной причине попадает в символическое пространство доминирующего универсума. Кроме психологического дискомфорта подобные переживания и интеракции могут приводить к вольным или невольным изменениям в схемах восприятия социальной реальности у данных акторов. Это, в свою очередь, приводит к тому, что в своих интеракциях уже в собственном символическом анклаве они могут сознательно или бессознательно привносить новые смыслы и конструкции, не вписывающиеся в матрицу их символического универсума, видоизменять на молекулярном уровне Мы-связей существующие коммуникативные практики. Таким образом, все силы “экспертов” символического анклава преимущественно направлены на сдерживание смысловой агрессии доминирующего символического универсума и проникновения его конструкций внутрь этого особого символического пространства. Особенно это сказывается, когда речь идет о символических анклавах, где сохранилась культурная гегемония старого символического универсума. В таких условиях значительная часть смысловых конструкций строится вокруг одной или нескольких культурных травм. Кроме того, все конструкции имеют две схожие характеристики: догматизм и ностальгию. Первая характеристика связана с тем, что в отсутствие возможности и условий для генерации новых сложных смысловых систем в символическом анклаве происходит фиксация, центрирование всех новых смыслов вокруг базовых смыслов старого универсума. Все новые смыслы должны быть релевантными этим базовым смыслам и непротиворечиво вплестаться в них — каждый из них проходит проверку на соответствие/несоответствие. Любая девиация с большой вероятностью может быть воспринята как “еретическая”. Очень важно подчеркнуть, что цензорами в этих условиях могут выступать не только квалифицированные “эксперты”, но и обычные носители старого универсума, как правило, представители старшего поколения, которые еще застали период культурной гегемонии их символического универсума.

Вторая характеристика связана с ностальгией по утраченному “золотому веку” — только что упомянутому периоду культурной гегемонии старого

универсума. Эта характеристика связана с такими аспектами, как трудность и болезненность для носителей старого универсума процесса ресоциализации, принятия новых правил общественных отношений, которые неминуемо изменяются при смене символических универсумов, а также невозможность для нового поколения личного переживания тех общественных условий, которые существовали при культурной гегемонии этого универсума. Таким образом, жизнь в тех условиях представляется как “потерянный рай” и постоянно противопоставляется современным реалиям и всем свойственным им недостаткам. Наряду с культурной травмой и основными символами старого универсума именно отсылка к “золотому веку” составляет базис, на который опираются “эксперты” при поддержании своего универсума в рамках символического анклава.

Выше уже упоминалось, что поддержание культурной гегемонии старого символического универсума или же в целом альтернативного символического универсума в символическом анклавом является очень сложным и, по сути, единственным заданием “экспертов”. Это тем более справедливо, учитывая информатизацию и мобильность современного общества. Ввиду этого, символический анклав, для самого своего существования должен обеспечить выполнение ряда условий. Дадим их краткую характеристику. При этом начнем с описания особенностей коммуникативных практик, которые приняты и поддерживаются в символических анклавах. Здесь опять нужно сделать важное различие: в ситуации с этническими символическими анклавами и символическими анклавами, где сохранилась культурная гегемония старого универсума, мы имеем существенные и даже сущностные различия. В первом случае речь идет не только о коммуникативных практиках, но и о самом языке, который используется в рамках данного символического анклава — языке этноса или национальности, населяющих этот анклав. Таким образом, “пришелец” извне сразу же чувствует, что попал в совершенно иную символическую среду.

В случае с символическим анклавом, в котором сохранилась культурная гегемония старого символического универсума, мы, в первую очередь, имеем дело с особым дискурсом, сохранившимся в новых условиях. Сюда входят все смысловые конструкторы, вплетенные в повседневные коммуникативные практики. Попадая в такого рода символический анклав, носитель другого символического универсума может не сразу почувствовать эту разницу, ведь используется тот же язык, что и в большей части общества. Однако рано или поздно эти особые конструкторы неминуемо будут использованы при его рутинных взаимодействиях в рамках символического анклава¹.

---

¹ Кроме особого дискурса в символических анклавах со старым символическим универсумом могут также существовать свои языковые особенности. Так, в украинском обществе, которое по-прежнему является двуязычным, в подобных символических анклавах заметно превалировал именно русский язык, который был языком старого — “советского” — символического универсума, как язык наднациональный и межнациональный. Украинский же язык, как язык национальный, был вызовом “советской”, универсалистской матрице. Поэтому в тех символических анклавах, где сохранился старый универсум, распространению украинского языка сопротивлялись очень активно, чем широко пользовались местные политики в своих предвыборных кампаниях. И именно поэтому даже после почти четверти столетия жизни в условиях утраты культурной гегемонии советского универсума в Украине сохранились почти полностью русскоязычные анклавы.

Эти конструкты, словосочетания будут тем более неестественными для представителя доминирующего универсума, поскольку были долгое время предметом десимволизации, сатиры и прочих факторов многомерного процесса замещения культурной гегемонии одного универсума культурной гегемонией другого. Этот процесс сопровождается смысловой агрессией на все основные символы старого универсума. Поэтому то, что до сих пор является само собой разумеющимся и релевантным в символических анклавах, в остальной части общества считается анахронизмом, пережитком, нелепым наследием прошлого.

Тесно связаны с особенностями дискурса и языкового применения в символических анклавах и в целом их существования такие аспекты, как интерпретация истории, а также самоидентификация жителей этих анклавов.

Что касается интерпретации истории, то она, подобно дискурсу символического анклава, также очень резко диссонирует с той версией истории данного общества в целом и ее отдельными событиями в частности, которая принята в доминирующем универсуме, иными словами, с той интерпретацией истории, которая преподается в школах и вузах, которая используется “экспертами” и политиками доминирующего символического универсума. Здесь следует напомнить, что каждый из символических универсумов претендует на безальтернативное определение реальности для своих носителей, и потому в большинстве случаев интерпретация одних и тех же исторических событий, их ценностная оценка у представителей разных универсумов существенно разнятся или прямо противоположны. В первую очередь это проявляется в том, какие события трактуются в рамках того или иного универсума в качестве культурной травмы и какой смысл в это вкладывается¹.

Для устойчивого существования символического анклава крайне важным является создание альтернативной или же существенным образом измененной системы образования, задающей новому поколению соответствующие базовые смыслы. В случае с этническими символическими анклавными это могут быть и полноценные среднеобразовательные школы с углубленным изучением родного языка и культуры, а также вечерние школы или школы выходного дня. Когда же речь идет о символическом анклаве со старым универсумом, то чаще всего, в силу ограниченности ресурсов, имеет место модифицирование общей системы среднего и высшего образования — “распространители” смыслов, то есть учителя и преподаватели, которые формально должны следовать учебному плану и официально принятым ме-

---

¹ Центральная культурная травма “советского” универсума — Великая Отечественная война — по-прежнему остается главенствующей в символических анклавах восточной Украины и Крыма, где все годы независимости сохранялась и поддерживалась культурная гегемония старого универсума. При этом попытки воссоздания и создания новой центральной культурной травмы — Голодомора — были там обречены на неудачу. Ведь эти попытки делались в том символическом пространстве, где по-прежнему доминировал символический универсум, изъясвшийся трагические события голода 1932–1933 годов из поля общественной дискуссии и рефлексии на целые десятилетия, сделавший все, чтобы эти события ни в коем случае не воспринимались в качестве культурной травмы. Стоит признать, что в достижении этой цели старый универсум немало преуспел, и новому символическому универсуму потребуются большие усилия, работа “экспертов” для экстернализации и объективации соответствующих смыслов институтами образования и масс-медиа, чтобы, по крайней мере, новое поколение интернализировало события 32–33 годов XX века на территории Украины в качестве культурной травмы.

тодрекомендациям касательно содержания, на деле в ходе своих занятий с учащимися представляют свою версию событий. Особенно это касается уроков истории, которые должны доносить до нового поколения базовые матрицы интерпретации исторических событий в соответствии с потребностями ныне доминирующего символического универсума. Однако в символических анклавах эта методика безальтернативного представления материала дает сбой, поскольку сами “распространители смыслов” нарушают её, давая свою трактовку, зачастую в корне отличающуюся от официальной. Сюда же можно отнести превалирование в вузах, находящихся в символических анклавах, оставшихся со времен старого символического универсума доктрин и идеологий, которые на остальной территории вытесняются доктринами и идеологиями нового символического универсума. Более того, они не только вытесняются, но и, согласно всем канонам смены символических универсумов, также становятся объектами смысловой агрессии, призванной представить их как устаревшие, не имеющие познавательной силы, а соответственно, и научной ценности¹.

Кроме существования определенного дискурса, то есть сохранения значительной части конструктов старого или же альтернативного символического универсума и особенностей системы образования, описанных выше, любой символический анклав не может обойтись без средств трансляции соответствующих смыслов в своих территориально-символических рамках. Иными словами, символический анклав не может обойтись без своих средств массовой информации. Чем разнообразнее и разветвленное является сеть этих медиа, тем, в свою очередь, большим должно быть количество “экспертов”, задействованных в процессе смысловодства. Таким образом, к “распространителям” — учителям и преподавателям — прибавляется еще и немалое количество журналистов, блоггеров и т.п., образуя определенную прослойку людей, ответственных за генерацию и распространение соответствующих смыслов и смысловых конструктов в рамках символического анклава. Это сложный и многомерный процесс, который с необходимостью непрерывен и происходит, как правило, в крайне враждебном информационном и символическом окружении — ведь наряду с этими СМИ жители символического анклава имеют доступ к общегосударственным, общенациональным масс-медиа, которые соответственно транслируют и поддерживают смыслы доминирующего универсума. Эта конкуренция за определение дискурса, за преимущественное право осуществлять интерпретацию происходящих событий между первыми и вторыми СМИ является перманентной, и в этом поле не может быть вакуума. Наивысшим успехом медиа символического анклава, которому способствуют уже упомянутые нами психологические особенности соприкосновения носителя альтернативного универсума с информационным полем доминирующего универсума, является добровольное создание самим индивидом своего собственного информационного анклава — приверженность и доверие только к определенным масс-медиа, поиск знакомого дискурса в них — своеобразный код “свой/чужой”, позволяющий этому индивиду за считанные секунды определить свое отношение к тому или иному СМИ.

---

¹ В Украине примером такого процесса является судьба марксизма-ленинизма, который после семидесяти лет доминирования в научной сфере республики практически полностью был вытеснен из научного дискурса.

2

Символические анклав, будь то этнические символические анклав или же анклав, где сохраняется культурная гегемония старого символического универсума, с необходимостью имеют собственные политические и общественные движения. Эти партии и организации чаще всего имеют своей целью реализацию собственных интересов не только на местном, но и на общегосударственном уровне. Одним из важнейших пунктов их деятельности является сохранение и поддержание существования символического анклав — в первую очередь через законодательное обеспечение этих процессов. Здесь мы возвращаемся к процессам вертикальной легитимации и соответствующим институтам — образовательным учреждениям и масс-медиа, а также институту языка. В прошлых работах автора отмечалась особая важность для альтернативного символического универсума (утратившего культурную гегемонию или же только пытающегося её завоевать в обществе) наличия своей “альтернативной” системы образования, а также своих средств массовой информации (см.: [Шульга, 2012]).

Как отмечалось, наличие этих институтов, призванных транслировать релевантные смыслы, является критически важным для существования и дальнейшего возможного распространения символического универсума. Они позволяют соответствующим образом социализировать новые поколения, сделать альтернативную метасмысловую матрицу единственно понятной и само собой разумеющейся. Это также справедливо в случае символического анклав. Наличие своих партий, репрезентирующих символический анклав, — который может быть и целым регионом страны, и небольшим компактным поселением, и комбинацией территориальных образований, объединенных одной метасмысловой матрицей, — позволяет обеспечить потребность символического универсума в таких инструментах. Конечно же, определяющую роль играет то, насколько большим является символический анклав и, соответственно, насколько большим ресурсом пользуются эти политические партии или объединения в пределах страны. В зависимости от этого данные политические партии могут отстаивать релевантные интересы на местном, региональном или даже общегосударственном уровне и, таким образом, обеспечивать описанные выше процессы¹.

Более того, когда политические партии, представляющие символические анклав, становятся настолько мощными, что могут получать поддержку не только на своей “электоральной вотчине”, но и за её пределами, это является четким индикатором, что альтернативный символический универсум может представлять реальную угрозу для доминирующего универсума. Поскольку это означает, что в альтернативном символическом анклав сформировались свои “эксперты”, свои масс-медиа, соответствующая система образования или же скорректированная общегосударственная система, сформирована и присутствует в дискурсе разветвленная система смыслов и интерпретаций,

¹ В случае украинского общества имели место символические анклав, занимающие целые регионы страны и имеющие свои политические силы. Поскольку эти анклав были анклавом не этнического характера, а территориально-символическими общностями, где по-прежнему огромное влияние имел старый универсум, местные политики и их силы использовали соответствующие коммуникативные практики, апеллировали к старым символам и интерпретациям.

которая воспроизводится в повседневной жизни индивидов и которая, исходя из всех этих условий, может и с необходимостью будет пытаться распространить свое влияние на остальное общество и бросить, тем самым, реальный вызов доминирующему универсуму. Каким будет ответ доминирующего универсума на этот вызов — символическая агрессия или же “легальное насилие”, во многом будет определять исход этой открытой формы борьбы. Напомню, что использование “легального насилия” против институтов, “экспертов”, политических сил, законодательная аннигиляция альтернативных смыслов и интерпретаций является последним и крайним способом борьбы доминирующего универсума, свидетельствующим об актуальной угрозе или неизбежности утраты им своей культурной гегемонии.

3

Наряду с прочими особыми характеристиками, присущими символическим анклавам, и доминирующими в них старыми или альтернативными универсумами в каждом анклаве существует и своя система ценностей как неотъемлемый элемент их дискурса и набора базовых смыслов. В зависимости от того, о каком универсуме мы говорим, речь может идти как об альтернативных, новых ценностях, так и об устаревших ценностях, присущих старому символическому универсуму. Важно подчеркнуть, что в символическом анклаве существует полноценная система ценностей, которая служит ориентиром для носителей этого универсума, включая и справедливую, по версии данного универсума, модель социальных отношений и соответствующего им распределения дефицитных ресурсов (финансовых, политических, престижа и знания). Эти ценности пронизывают дискурс символического анклава, к ним апеллируют политические партии и общественные движения данного анклава, их транслируют институты образования и медиа, существующие в рамках анклава, они являются основой для смысловорчества “экспертов” символического анклава¹.

4

Кроме системы ценностей особую роль в символическом анклаве могут играть религиозные репрезентации. По сути, они могут кардинально отличаться от тех, что приняты в доминирующем символическом универсуме и, таким образом, оказываются “еретическими”, “богохульными”, отрицающими “истинную религию”. В некоторых случаях именно религиозные репрезентации в символическом анклаве, предлагаемая ими космологическая модель синтезируют в себе и ценности, и базовые смыслы и, таким образом, фактически подменяет собой символический универсум. В иных случаях они являются частью символического пространства анклава, не берущей на себя определяющую роль. Важность религиозных предпочтений в символическом анклаве тем выше, чем сильнее они отличаются от религиозных

---

¹ В случае Украины ценности старого универсума сохранили свою определяющую роль даже после нескольких десятилетий, минувших со времени утраты им культурной гегемонии в пределах общества в целом. Тем не менее новая система ценностей не только не была принята в символических анклавах, но и медленно распространялась на остальное население.

предпочтений, распространенных в остальном обществе. Особую остроту они приобретают в том случае, когда доминирующий универсум является “атеистическим”, как это было с советским универсумом. Кроме того, символический анклав может быть анклавом, где исповедуют другую религию, нежели та, которая является самой распространенной или официальной в данном конкретном обществе. Менее важным является различие в конфессиональном аспекте. В первых двух случаях различия в религиозных взглядах органически связаны с кардинальными различиями в системе базовых смыслов, ценностей, мировоззрения и инкорпорированы в саму религиозную систему.

5

Наряду с кристаллизациями в дискурсе определенных смысловых конструктов, устойчивых схем интерпретации и соответствующих языковых конструктов в каждом символическом анклаве наблюдаются и релевантные символические кристаллизации в области архитектуры, памятников, художественных форм и топонимики. Эти кристаллизации играют огромное символическое значение, поскольку аккумулируют в себе весь горизонт основных смыслов, входящих в состав метасмысловой матрицы, и являются средствами их непосредственной демонстрации.

Действительно, каждый символический универсум как сложнейшая и интегральная — пронизывающая повседневную жизнь социальных акторов — матрица складывается и поддерживается десятилетиями или даже столетиями. Это неизбежно ведет к развитию целой системы смыслов и символов, о чем уже неоднократно упоминалось. В случае символических кристаллизаций речь, в первую очередь, идет о визуальных средствах выражения этих смыслов и символов.

В символическом анклаве, прежде всего в символическом анклаве, где сохранилась культурная гегемония старого универсума, — это наиболее ярко выражено в памятниках, названиях улиц, площадей, а также зачастую в особом стиле архитектуры, сохраняющемся в нем. Это тем более наглядно, если сравнивать с остальной территориально-символической частью страны, где доминирует новый универсум и с большой долей вероятности происходят соответствующие изменения в символических кристаллизациях.

Важно отметить, что процессы изменений в презентации символических кристаллизаций в повседневной жизни могут быть разными как по длительности, так и по интенсивности.

Они могут проходить свою самую интенсивную фазу всего за несколько месяцев или лет. В иных случаях изменения символических кристаллизаций в масштабах всего общества могут занимать десятилетия. Таким образом, в повседневной жизни социальные акторы могут наблюдать как символические кристаллизации старого универсума, так и появление символических кристаллизаций нового универсума¹.

¹ Последние будут иметь большее значение уже для новых поколений, поскольку будут даны им как самоочевидные, как объективированные и потому относящиеся к полю нерелефлексивного.

Иными словами, символические кристаллизации старого универсума могут присутствовать не только в символическом анклаве — утрата старым универсумом культурной гегемонии, замена другим универсумом не означает тем самым исчезновения старых символических кристаллизаций. Это сложный, многомерный и зачастую длительный процесс, который может приобретать множество форм. Более того, этот процесс является неотъемлемой составляющей диффузии символических универсумов — наиболее острый период которой приходится на замену старого универсума новым.

Под понятием “диффузия символических универсумов” понимается перманентный процесс, происходящий на всех уровнях общественной жизни и заключающийся во взаимном проникновении смыслов разных символических универсумов в их дискурсы. Проникновение это происходит в силу объективных причин — повседневных интеракций между социальными акторами-носителями этих универсумов в условиях информатизации современного общества и практической невозможности оставаться изолированным от потока информации и используемых при этом коммуникативных практик и схем интерпретации. Понятие “диффузия символических универсумов” является одним из важнейших понятий в рассматриваемой концепции борьбы и смены универсумов. Это понятие, кроме всего прочего, раскрывает сущность символических универсумов, как метасмысловых матриц, которые, тем не менее, не являются закрытыми системами. Как неоднократно упоминалось, в современном мире это практически невозможно. Устойчивость символического универсума и его способность к распространению своих смыслов в обществе, — иными словами, культурная гегемония универсума, — зависит не от его возможности не допускать смыслы и символы альтернативных универсумов-конкурентов, а в его интегративной способности. Последнее означает, что символический универсум релевантным способом реинтерпретирует “чуждые” смыслы, адаптирует их в рамках собственного дискурса, вплетает в свою систему смысловых и символических взаимосвязей. Если же это “вплетение” не получается сделать в силу диаметральной противоположности смыслов, то символический универсум также не обязательно прибегает к вытеснению их из поля рефлексии. Нередко происходит процесс, который можно назвать “негативным включением”. Он заключается в том, что чуждые смыслы, которые невозможно исключить из дискурса, становятся объектом смысловой агрессии со стороны доминирующего универсума. Видов подобной агрессии множество, однако наиболее действенными являются десимволизация, создание коллокаций и сатира (подр. см.: [Шульга, 2006]).

Все они призваны выхолостить чуждые смыслы до ярлыков, имеющих негативное смысловое и, даже чаще, эмоциональное сопровождение. Только после этого они включаются в дискурс в качестве устойчивых элементов, используемых уже для целей доминирующего универсума. Подобные же процессы происходят и в рамках символических анклавов. Таким образом, диффузия символических универсумов является двусторонним процессом.

В случае с доминирующим универсумом подобная интегративная способность является одной из ключевых для поддержания культурной гегемонии. Как только он утрачивает контроль над проникновением в коммуникативные практики чуждых смыслов и символов, начинается процесс утраты им и своего само собой разумеющегося статуса. По вполне понятным причи-

нам проникновение этих смыслов происходит сначала на повседневном микроуровне Мы-связей индивидов — сюда входят все рутинные и повседневные интеракции индивида, включая семью, близких, друзей, коллег, соседей и т.д. Иначе его еще можно назвать уровнем горизонтальной легитимации¹.

Однако в некоторых случаях неконтролируемое проникновение “чуждых” смыслов альтернативного универсума может произойти и через институты вертикальной легитимации, такие как масс-медиа и образовательные учреждения².

Смена символических кристаллизаций является своеобразным (но далеко не единственным) индикатором успешности описанного процесса. Наличие символических кристаллизаций в пределах всего общества, относящихся к старому универсуму, может служить показателем незавершенности утверждения культурной гегемонии нового универсума. Символические границы, таким образом, остаются размытыми.

Иной сценарий — это аннигиляция, то есть вытеснение, физическое уничтожение, вычеркивание из дискурса старых символических кристаллизаций и полная их замена новыми, релевантными кристаллизациями. Любые кристаллизации, принадлежащие к старому порядку, всеми способами изымаются из повседневной жизни социальных акторов. Это касается не только замены памятников, смены названий улиц, замены символов, но даже, в определенных случаях, смены архитектурного стиля путем сноса целых зданий или даже кварталов, построенных в период доминирования предыдущего универсума и демонстрирующих явные символическую и смысловую составляющие.

В подобном случае сохранившиеся символические анклавы явно выделяются и имеют даже некоторые зримые границы — в том числе и архитектурные. Любой “незнакомец” сразу же невольно отмечает, что попадает в другое символическое окружение. В зависимости от того, застал этот инди-

1 Более подробно о процессе легитимации, его горизонтальном и вертикальном уровнях см.: [Шульга, 2012].

2 Именно так, к примеру, произошло со старым, “советским” универсумом — интеллигенция, учителя, преподаватели вузов, журналисты активно привносили новые смыслы в дискурс, зачастую агрессивные, диаметрально противоположные базовым смыслам господствующего универсума. Несмотря на все сопротивление и цензурирование, эти смыслы стали частью дискурса и эффективно его изменяли вплоть до кардинальной смены. Этот пример служит яркой иллюстрацией того, что вытеснение, “аннигиляция” чуждых смыслов не являлись эффективным средством поддержания культурной гегемонии универсума. Утрата интегративной способности старого универсума, вовлечение в процесс привнесения новых смыслов самих его “экспертов”, которые и должны были заниматься реинтерпретацией, адаптацией или же “негативным включением” этих смыслов, не могли компенсироваться “репрессивными” и механическими средствами вроде цензуры. Таким образом, диффузия символических универсумов привела к обратным результатам: альтернативный универсум и его смыслы проникли в поле рефлексии, подорвали само собой разумеющийся статус доминирующего универсума и распространили свое влияние на значительную часть общества, включая группу “экспертов”. Здесь важно еще раз подчеркнуть, что диффузия символических универсумов является двусторонним процессом и взаимное проникновение смыслов происходит перманентно.

вид старый универсум или же нет, можно говорить о разной степени осознанности и конкретности для него этих символических различий.

Применительно к Украине более подходящим является первый сценарий — диффузии символических кристаллизаций, широкой представленности репрезентаций старого универсума в повседневной жизни индивидов и в релевантных коммуникативных практиках и сохранившихся смысловых конструкциях, понятиях, используемых социальными акторами даже по прошествии нескольких десятилетий жизни в новых условиях.

Вместе с тем в Украине существовали огромные символические анклавов, которые в большей мере, нежели другие части страны, сохраняли кристаллизации старого универсума и в которых он продолжал играть доминирующую роль. В этих анклавах намного зримее ощущалось присутствие символических кристаллизаций. Более того, они фактически не претерпели никаких изменений, не говоря уже об агрессивных сценариях их вытеснения.

Наиболее показательные примеры символических кристаллизаций, оставшихся от старого универсума, памятники выдающимся людям той эпохи и релевантные ей названия улиц и площадей¹.

В силу резкого, однако вполне закономерного обострения борьбы символических универсумов, которое пришлось на конец 2013 — начало 2014 годов в Украине, место первого сценария все больше начал занимать второй — аннигиляция, физическое устранение из символического пространства всех кристаллизаций, отсылающих к предыдущему универсуму. Наиболее ярким свидетельством этих процессов является так называемый Ленинопад — серия самовольных демонтажей остающихся в Украине памятников Ленину, которые начались по всей стране. Огромное символическое значение имел снос памятника Ленину в центре Киева. Само наличие этого памятника было ярким свидетельством незавершенности смены символических универсумов. События Майдана и последующие события по всей стране резко ускорили процесс смены универсумов и четкого выделения символических анклавов внутри страны. Фактически от сценария диффузии символических кристаллизаций и некоторой размытости границ символических анклавов, который реализовывался последние два десятилетия, они привели к все более явному очерчиванию символических анклавов. Одним из показателей этих процессов и явился “Ленинопад”, динамика которого, а также география служат хорошей иллюстрацией того, где влияние старого универсума еще сильно и где достаточно средств для защиты памятников Ленина, как одного из важнейших символов старой эпохи. Сюда же относится переименование улиц и площадей в рамках неизбежного и необходимого процесса творения новой мифологии, новых смыслов и символов, который происходит у нас на глазах.

6

Концепция символических анклавов является частью общей концепции символических универсумов и их перманентной борьбы в рамках об-

---

¹ К примеру, оценки того, сколько памятников Ленину осталось в Украине даже по прошествии 23 лет после распада СССР, разнятся довольно существенно — называются цифры от двух до пяти с половиной тысяч.

щества. Она позволяет углубить наш анализ по целому ряду базовых тем. Во-первых, мы можем по-новому взглянуть на сосуществование разных символических универсумов в одном обществе, на возможные формы этих явлений, их борьбу и смену. Во-вторых, анализ символических анклавов существенно дополняет концепцию диффузии символических универсумов. Последняя предстает как многоуровневый процесс взаимного проникновения смыслов и символов разных универсумов в дискурсы друг друга, что, в свою очередь, приводит к корректировке их собственных смысловых конструктов. Очень важно подчеркнуть, что процесс диффузии символических универсумов является нелинейным процессом — то есть проникновение и даже изменение смыслов одного универсума происходит не на всех уровнях (доменах) символического универсума и не одновременно. Кроме того, этот процесс имеет внушительные временные рамки и не обязательно приводит к утрате доминирующим универсумом своей культурной гегемонии в обществе. Концепция символических анклавов служит не только описанию и объяснению существования в обществе особых территориально-символических сущностей, объединенных одной метасмысловой матрицей, отличной от доминирующей. Она также описывает и объясняет, что происходит с универсумами, утратившими свою культурную гегемонию в пределах всего общества, однако сохранившими её на определенных территориях. Иными словами, эта концепция вновь раскрывает многомерность, сложность и нелинейность процессов смены и завоевания культурной гегемонии в обществе разными символическими универсумами. В практическом аспекте концепция символических анклавов позволяет углубить уже имеющиеся исследования переходных, трансформирующихся или кризисных обществ, одним из которых, без сомнения, является украинское общество со своими многочисленными символическими анклавами и фундаментальными общественными проблемами, вызванными их наличием.

Источники

Cobas J.A. Ethnic Enclaves and Middleman Minorities: Alternative Strategies of Immigrant Adaptation? / Cobas J.A. // *Sociological Perspectives*. — 1987. — Vol. 30, № 2. — P. 143–161.

Liu M. Changing Neighborhood: Ethnic Enclaves and the Struggle for Social Justice / Michael Liu, Kim Geron // *Social Justice*. — 2008. — Vol. 35, № 2(112). — P. 18–35.

Luckmann T. Kultur und Kommunikation / Thomas Luckmann // *Kultur und Gesellschaft* / Hrsg. Max Haller, Hans-Joachim Hoffmann-Nowotny, Wolfgang Zapf. — Frankfurt; New York : Campus Verlag, 1989. — S. 33–45.

Luckmann T. On the Evolution and Historical Construction of Personal Identity / Thomas Luckmann // *Unverwechselbarkeit. Persönliche Identität und Identifikation in der vormodernen Gesellschaft* / Hrsg. Peter von Moos. — Köln; Weimar; Wien : Böhlau Verlag, 2004. — S. 185–206.

Luckmann T. Remarks on Personal Identity: Inner, Social and Historical Time / Thomas Luckmann // *Identity: Personal and Socio-Cultural* / Ed. by Anita Jacobson. — Wedding; Uppsala, 1983. — P. 67–91.

Massey G. Ethnic Enclaves and Intolerance: The Case of Yugoslavia / G. Massey, R. Hodson, D. Sekulic // *Social Forces*. — 1999. — Vol. 78, № 2. — P. 669–693.

Soeffner H.-G. The Order of Rituals / Soeffner Hans-Georg. — New Brunswick : Transaction Publishers, 1997. — 176 p.